

Институт медиации в законодательстве Республики Казахстан: перспективы региональной адаптации

Чимаров Н. С.^{1,*}, Чимаров С. Ю.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
*e-mail: kolomyagi4@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0661-1035

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Постепенная сегментация сферы публичного регулирования — вопрос неизменно возникающий, поскольку возрастающие потребности человека требуют предоставления большего числа гарантий уже от имени государства. Наличие стабильной и зачастую консервативной системы организаций судебной власти не в полной мере сочетается со все возрастающим объемом дел, сложность которых также закономерно повышается. В рамках постсоветского пространства такая тема, как медиация, является все еще направлением малоизученным, а потому требующим обстоятельного изучения, в том числе с позиции поиска актуальных трендов развития.

Цель. На примере правовой системы, интегрированной в единое социальное и экономическое пространство ЕАЭС, но тем не менее отличающейся в содержательном плане от законодательства России, определить перспективный вектор развития региона (а тем самым и отечественной нормативной базы) в вопросах медиации.

Задачи. В статье рассматривается современное состояние и проблемы института медиации в Республике Казахстан с учетом основных международных и национальных документов.

Методология. В работе были использованы элементы сравнительного и системного подходов, в рамках которых применялись общенаучные методы анализа, синтеза, дедукции и индукции.

Результаты. По итогам проведенного исследования отмечается возможность развития межгосударственного диалога в вопросах становления института медиации при учете совокупного взаимодействия механизмов СНГ и ЕАЭС, а также идеологической компоненты Сингапурской конвенции 2018 г.

Выводы. В полном выражении при определении опыта Республики Казахстан невозможно оперировать исключительно национальными нормативными источниками. Вовлеченность государства в международные процессы, а также стремление адаптировать большее количество «примирительных» процедур приводят к уникальному контексту, в рамках которого медиация обладает своими особыми понятийными и функциональными чертами, но также и ограничивается существованием иных форм альтернативного разрешения споров. Несмотря на имеющиеся дискуссионные положения, следует признать, что опыт Республики Казахстан в вопросе медиации является достаточно проработанным и может быть положен в основу последующей гармонизации правовых систем государств — участников ЕАЭС.

Ключевые слова: медиация, медиативное соглашение, Сингапурская конвенция, ЕАЭС, принудительное исполнение, Международный финансовый центр «Астана»

Для цитирования: Чимаров Н. С., Чимаров С. Ю. Институт медиации в законодательстве Республики Казахстан: перспективы региональной адаптации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 120–128.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-120-128>

The Institution of Mediation in the Legislation of the Republic of Kazakhstan: Prospects for Regional Adaptation

Nikolai S. Chimarov^{a,*}, Sergey Yu. Chimarov^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation

*e-mail: kolomyagi4@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0661-1035

^b Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The gradual segmentation of the sphere of public regulation is a question that constantly arises, since the growing needs of a person require the provision of a greater number of guarantees already on behalf of the state. The presence of a stable and often conservative system of judiciary organizations is not fully compatible with the ever-increasing volume of cases, the complexity of which is also naturally increasing. Within the framework of the post-Soviet space, such a topic as mediation is still a little-studied area, and therefore requires detailed study, including from the position of searching for current development trends.

Aim. Using the example of a legal system integrated into the single social and economic space of the EAEU, but nevertheless differing in content from Russian legislation, to determine a promising vector for the development of the region (and thus the domestic regulatory framework) in matters of mediation.

Tasks. The article discusses the current state and problems of the institution of mediation in the Republic of Kazakhstan, taking into account the main international and national documents.

Methods. Elements of comparative and systematic approaches were used in the work, within the framework of which general scientific methods of analysis, synthesis, deduction and induction were used.

Results. Based on the results of the study, it is noted that it is possible to develop an interstate dialogue on the formation of the institution of mediation, taking into account the cumulative interaction between the mechanisms of the CIS and the EAEU, as well as the ideological component of the Singapore Convention 2018.

Conclusions. In full terms, when determining the experience of the Republic of Kazakhstan, it is impossible to operate exclusively with national normative sources. The involvement of the state in international processes, as well as the desire to adapt a greater number of “conciliation” procedures, lead to a unique context in which mediation has its own special conceptual and functional features, but is also limited by the existence of other forms of alternative dispute resolution. Despite the existing debatable provisions, it should be recognized that the experience of the Republic of Kazakhstan in the issue of mediation is sufficiently developed and can be used as the basis for the subsequent harmonization of the legal systems of the EAEU member states.

Keywords: mediation, mediation agreement, Singapore Convention, EAEU, enforcement, Astana International Financial Center

For citing: Chimarov N. S., Chimarov S. Yu. The Institution of Mediation in the Legislation of the Republic of Kazakhstan: Prospects for Regional Adaptation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 120–128. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-120-128>

Введение

Институциональное совершенствование правовой системы — тема, связанная неразрывно с прогрессом самого общества. Тем не менее современный темп жизни не всегда позволяет естественным образом способствовать развитию институтов, а задержка в правовой регламентации может привести к возникновению побочных внеправовых способов урегулирования конфликта. В таких случаях на законодателя уже

будет возлагаться двойная нагрузка, чтобы догнать и предупредить дальнейшее отклонение от буквы закона. Наиболее востребованным методом законодательного упрочения сегодняшнего дня является обращение к практике своего геополитического окружения. Соблюдение баланса между признанием суверенных черт государств-партнеров и активное сотрудничество позволяет производить актуальный обмен мнениями и развивать и свой национальный порядок в том числе. В этой связи представляется необходимым обратиться к опыту Республики Казахстан (РК), как государства, которое за последние годы делает очень серьезные, но, самое главное, заметные и практичные шаги в сфере развития внесудебной системы разрешения споров.

Ратификация Сингапурской конвенции 2018 г.

Применительно к институту медиации представляется необходимым осмыслить все возможные уровни правовой регламентации данного вопроса в порядке юридической иерархии. На универсальном уровне актуальной новацией в сфере выработки единообразных подходов к организации процесса медиации является подписание в декабре 2018 г. Сингапурской конвенции ООН о международных мировых соглашениях, создаваемых в результате медиации. Данный документ в настоящий момент не получил широкой поддержки международного сообщества, как представляется, по следующим причинам: во-первых, в силу непродолжительности своего существования; во-вторых, в силу превалирования регионального фактора (так, ни одна страна Европейского союза не подписала акт, по всей видимости, отдавая предпочтение собственному наднациональному регулированию). Тем не менее уже сейчас можно говорить о выделении круга субъектов, ратифицировавших конвенцию и, как следствие, опережающих своих международных партнеров. По состоянию на 2023 г. таковыми странами являются Беларусь, Гондурас, Грузия, Катар, Саудовская Аравия, Сингапур, Турция, Уругвай, Фиджи, Эквадор, а также Казахстан, ратифицировавший источник 23 мая 2022 г.¹ Подобные обстоятельства предполагают вероятную оптимизацию и национального законодательства.

Глобальная новация — введение в оборот термина “international settlement agreement”, что в рамках документа означает придание соглашениям особого транснационального статуса, позволяющего гармонизировать правовую основу для интеграции вышеозначенных соглашений в публичный оборот и требовать их принудительного исполнения. Вне рамок конвенции запросы могут столкнуться с коллизионным фактором, не предполагающим установления диалога между заинтересованными субъектами.

Специфика дефиниций позволяет сложить ошибочное впечатление о природе рассматриваемых соглашений. Объективно, в правовой доктрине существуют существенные различия в терминах «мировое соглашение» и «медиативное соглашение». В частности, первое определение касается решений, связанных с судебной ветвью власти, в то время как альтернативный порядок разрешения споров имеет абсолютно иную организационно-правовую природу. Не упрощает ситуацию и тот факт, что в различных правовых системах могут иметься свои языковые особенности обозначения нормативных лексем. И если термин «медиативное соглашение» известен прежде всего в правовом поле Российской Федерации, то в Казахстане используется формулировка «соглашение об урегулировании спора (конфликта)» (ст. 2, 27 Закона Республики Казахстан № 401-IV)².

Анализ ст. 1–2 Конвенции 2018 г. позволяет заключить, что она представляет иное восприятие объекта регулирования, фокусируясь в первую очередь на соглашениях, заключенных в письменной (в т. ч. электронной) форме и создаваемых на базе коммерческих споров. В свою очередь, исключаются из дальнейшего регулирования такие вопросы, как: совершение бытовых сделок; споры семейного, наследственного и трудового права; соглашения, которые подлежат исполнению в качестве судебных решений; соглашения, приравненные по своей природе к арбитражным решениям.

¹ United Nations Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation. 20 December 2018. [Электронный ресурс] // United Nations. Treaty Collection URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XXII-4&chapter=22&clang=en (дата обращения: 10.06.2023).

² Қазақстан Республикасының 2011 жылғы 28 қаңтардағы № 401-IV Заңы «Медиация туралы» // Егемен Қазақстан. 2011 жылғы, 8 ақпан. № 39–40 (26442).

Таким образом, основой международного регулирования выступают «медиативные соглашения в усеченном понимании». Законодательство Казахстана, напротив, включает в понятие «медиации» споры частного порядка в широком смысле этого слова. Тем не менее, ратифицировав Конвенцию, Казахстан соглашается оптимизировать данное направление постепенным образом, что представляется разумным начинанием.

По своей сути документ является типовым соглашением об организационной гармонизации различных правовых режимов. Другими словами, стороны обязуются установить прямой контакт по оказанию услуг правовой помощи в части предоставления запрашивающей стороне как сам вариант соглашения, так и частичные его реквизиты. Дополнительно рассматриваются сценарии параллельного запроса и отказа в предоставлении ключевой информации. Любопытным видится и то обстоятельство, что, предвзято процесс ратификации, Казахстан представил две оговорки к ст. 8. Общий смысл первой сводится к неприменению положений акта, в тех случаях если стороной такого соглашения выступают представители публичной власти¹. Во втором случае создается возможность избирательного выполнения требований конвенции сторонами соглашения. По мнению О. В. Засемковой, подобный шаг позволяет достичь большего уровня автономии воли сторон, поскольку у них возникает выбор — обозначить базовые положения в ходе оформления соглашения или же сделать ссылку на право того государства, которое не сделало подобных оговорок [5, с. 69]. Позиция Казахстана видится разумной, прежде всего, с точки зрения юридической адаптации. Имеется в виду, что перевод обязательств в сторону межсубъектного выбора позволит получить достоверную информацию о востребованности нововведений, прежде чем вносить существенные изменения во внутригосударственное право. При всей перспективности последней оговорки оценить ее эффективность станет возможным только после присоединения большего числа участников к данной Конвенции.

Современное положение института медиации в Республике Казахстан

Ключевым нормативным актом в сфере определения медиации на национальном уровне является Закон Республики Казахстан от 28.01.2011 № 401–IV «О медиации». За всю историю существования документа сам концепт медиации претерпел значительные изменения.

В первой редакции сфера применения медиации (ст. 1) подразумевала необходимый минимум частноправовых отношений с соответствующим кругом субъектов. Актуальная версия расширяет круг участников, добавляя в т. ч. должностных лиц. Кроме того, если ранее альтернативный формат разрешения споров предполагал рассмотрение в т. ч. споров, относящихся к уголовному типу судопроизводства (преступления небольшой и средней тяжести), то в современной версии упоминаются также административные правонарушения, уголовные проступки, в отдельных случаях тяжкие преступления (если нарушителем выступают дети; беременные женщины; мужчины, воспитывающие единственным родителем малолетнего ребенка; женщины, воспитывающие малолетних детей, и пожилые лица²), а также отношения, возникающие в сфере обеспечения исполнительного производства. Из-под прицела разбирательства исключались дела, затрагивающие интересы недееспособных лиц, но в последней версии перечень становится открытым, включая ограниченно дееспособных лиц.

Существенный сдвиг случился в июле 2021 г., когда в ч. 3 ст. 1 Закона появилась норма о возможности применения процедуры в тех случаях, когда одной из сторон выступает государственный орган. Ранее такая возможность юридически была нереализуема. На сегодняшний день данное положение более подробно раскрывается в содержательной части АППК Республики Казахстан от 29 июня 2020 г. № 350–VI³.

Несмотря на, казалось бы, общеправовое понимание терминов публичного регулирования, стоит признать, что институт медиации в Казахстане обладает рядом отличительных моментов и побочных

¹ Қазақстан Республикасының 2022 жылғы 25 сәуірдегі № 116–VII Заңы «Біріккен Ұлттар Ұйымының медиация нәтижесінде қол жеткізілген халықаралық татуласу келісімдері туралы конвенциясын ратификациялау туралы» // Егемен Қазақстан. 2022 жылғы, 26 сәуір. № 78 (30307).

² Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226–V Қылмыстық кодексі // Егемен Қазақстан. 2014 жылғы, 9 шілде. № 132 (28356).

³ Қазақстан Республикасының 2020 жылғы 29 маусымдағы № 350–VI Кодексі «Қазақстан Республикасының Ұкімшілік рәсімдік-процестік кодексі» // Егемен Қазақстан. 2020 жылғы, 30 маусым. № 124 (29853).

явлений. Для более наглядной иллюстрации сравним между собой законодательные режимы Российской Федерации и Республики Казахстан.

1. Разность юридико-технического отображения (в первом случае — «медиация», во втором — «процедура медиации»). Формально это не оказывает влияния на дальнейшее уяснение смысловой основы, но свидетельствует об индивидуальности нормостроительства, без влияния внешнего фактора, что крайне важно для государств молодой демократии.

2. В отличие от зарубежного подхода в отечественном праве отсутствует уточнение, что медиация предполагает разрешение не только споров, но и конфликтов. К сожалению, прямого разграничения данных терминов Закон РК № 401–IV не приводит. Однако отчасти к пониманию помогает приблизиться п. 3 ст. 3 Закона, устанавливающий одну из целей проведения медиации как снижение конфликтности сторон. Следует сделать вывод, что в этом понимании институт предполагает свое раскрытие не только с функциональной точки зрения, но и с психологической.

Нельзя обойти стороной официальный комментарий Р. Н. Юрченко (член НКС Верховного Суда Республики Казахстан), разъясняющей особенности принятого нормативного акта. Согласно ее трактовке, соглашение об урегулировании спора — вариант, характерный для гражданского процесса, в то время как его аналог, посвященный урегулированию конфликта, — для уголовного¹. Между тем данный вопрос требует отдельного осмысления, поскольку актуальная версия Закона РК № 401–IV явно выходит за рамки данного понимания. Свидетельством тому является ст. 6, где само слово «конфликт» контекстуально понимается в широком смысле слова. Тем не менее в практическом выражении упоминание медиации применительно к уголовной сфере отношений — вопрос открытый. В количественном соотношении большая часть дел приходится на иные типы производств [8, с. 99]. Одной из причин низкой заинтересованности в медиации в данном случае является финансовое бремя, которое в большинстве случаев связывается с наиболее заинтересованной стороной — обвиняемым [1, с. 8–9].

3. Статус медиатора в законодательстве Казахстана буквально не включает в себя смежный статус посредника, хотя такой смысл и закладывается. Между тем легальным образом устанавливается деятельность лиц на профессиональной основе и общественных началах (до 2021 г., подобно законодательству России, — на непрофессиональной основе). Нормативная прогрессия изменила не просто наименования формы участия, но и сами критерии соответствия статусу. В частности, на общественных началах медиатором могут выступать в т. ч. судьи при проведении примирительных процедур. Подобный порядок находит свое отражение в ст. 24 ГПК Республики Казахстан² и ст. 120 АПК Республики Казахстан.

В общем и целом сравнительный анализ начальных положений позволяет заключить, что многие формулировки изобилуют большей степенью уточнения в сравнении с российскими аналогами, а иногда и развитием идей. Например, в Законе РК № 401–IV, помимо понятия «сторона медиации», наличествует и другое — «участники медиации». С 20 декабря 2021 г. сам вопрос существенно перерабатывается, и теперь в состав участников могут входить также эксперты, переводчики, специалисты и иные лица. Подобное разграничение в принципе не знакомо для отечественной системы, а первое понятие так и вовсе не проработано в достаточной степени. Более конкретен Закон и по отношению к организациям медиаторов, которые могут осуществлять свою деятельность только на некоммерческой основе.

Существенным нововведением является также организационное раскрытие полномочий уполномоченного органа в ведении учета и контроля медиативной сферы. Если ранее такое обязательство просто обозначалось, то с 2021 г. становится возможным отметить конкретные направления деятельности, среди которых возможно выделить следующее: осуществление международного сотрудничества в сфере медиации, ведение мониторинговых операций в установленной области, информацион-

¹ Комментарий к Закону Республики Казахстан «О медиации» от 28 января 2011 года № 401–IV ЗРК // Бюллетень Верховного Суда РК. № 3, 2011.

² Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 31 қазандағы № 377–V Кодексі «Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік Кодексі» // Егемен Қазақстан. 2015 жылғы, 3 қараша. № 210 (28688).

ная поддержка населения об организациях медиаторов и др. На основании проведенного изучения уставных документов органов исполнительной власти следует определить, что в настоящий момент данные задачи возложены на Министерство информации и общественного развития Республики Казахстан¹. Любопытной тенденцией нового времени, в свою очередь, является переход полномочий от правительства, в сторону вышеозначенного министерства. Так, в редакции рассматриваемого Закона от 19.04.2023 последний субъект получает возможность стандартизации программы обучения медиаторов. Ранее подобная возможность отводилась главенствующему координирующему органу исполнительной власти. В настоящий момент Закон в равной степени признает роль обоих органов публичной власти в организации процедуры медиации, однако ослабевание влияния правительства является скорее положительным началом, позволяя оптимизировать администрирование под выполнение иных задач национального значения. По крайней мере, по состоянию на 2022 г. вовлеченность органов публичного аппарата, скорее, была на неудовлетворительном уровне, будучи в одном ряду с такими проблемами, как отсутствие обязательства на открытие процедуры медиации при разрешении трудовых и семейных споров и недостаток информированности населения [7, р. 22].

Разветвленная система источников права, регламентирующих особенности медиативного разбирательства, безусловно, требует соответствующего уровня контроля, координации и ответственности потенциальной третьей стороны. В этом плане уместно будет отметить наличие специальной реестровой системы, в которую должны быть включены медиаторы. Этот вопрос также прошел через определенный виток развития.

В настоящий момент следует различать подходы в ведении реестровой деятельности для профессиональных и общественных медиаторов. Логичное предположение, что бремя организации реестровой системы возлагается на уполномоченный орган, на деле не раскрывает суть вопроса. По ст. 8–1 Закона РК № 401-IV орган публичной власти стандартизирует реестры общественных медиаторов, а также профессиональных, но только в части медиаторов-судей, находящихся в отставке. В целом следует признать, что, несмотря на редакционные корректировки 2021 г., в Казахстане все еще продолжает действовать децентрализованная реестровая система профессиональных посредников, т. е. каждое медиативное учреждение вело свой индивидуальный список медиаторов (ст. 14 Закона РК № 401-IV).

Несколько иная ситуация в сфере общественной медиации (ст. 15–16 Закона РК № 401-IV). Актуальный подход раскрывается в Приказе Министра информации и общественного развития РК от 21 апреля 2022 г. № 126, вводящего в оборот правила ведения реестра². По данному документу акимы (главы регионального исполнительного органа) вносят данные о кандидатах в локальный реестр либо уведомляют последних об отказе включения в списки. Форма ведения реестра определена приложением к указанному выше приказу.

Иным важным нововведением последнего времени является издание Правил избрания общественного медиатора³. В частности, был уточнен порядок предварительного избрания посредников при участии схода или собрания граждан. Можно сказать, что сам процесс напоминает электоральные отношения с заменой некоторых ключевых субъектов. Претенденты должны подготовить пакет документов, среди которых в т. ч. должны быть заявление по установленной форме; информация о наличии опыта в сфере медиации; сведения о языке, на котором предполагается оказывать юридическую помощь; медицинские справки об отсутствии постановления на учет у психиатра или нарколога, а также иные типовые сведения. Необходимые данные направляются в 10-дневный срок в аппарат акима административной единицы. Исчисление времени начинается после даты опубликования объявления об избрании медиатора.

¹ Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2019 жылғы 26 наурыздағы № 142 Қаулысы «Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық даму министрлігінің кейбір мәселелері туралы» // ҚР НҚА электрондық түрдегі эталондық бақылау банкі. АЖ 2019 ж. 5 сәуірде.

² Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрінің 2022 жылғы 21 сәуірдегі № 126 бұйрығы «Қоғамдық медиаторлар тізілімін жүргізу қағидаларын бекіту туралы» // ҚР НҚА электрондық түрдегі эталондық бақылау банкі. АЖ 2022 ж. 27 сәуірде.

³ Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрінің 2022 жылғы 3 мамырдағы № 134 бұйрығы. Қоғамдық медиаторды сайлау қағидаларын бекіту туралы // ҚР НҚА электрондық түрдегі эталондық бақылау банкі. АЖ 2022 ж. 13 мамырда.

Медиация и иные формы альтернативного разрешения споров

В национальной практике Казахстана медиация делит свою природу альтернативой формы разрешения дел наряду с такими элементами, как партисипативная процедура, арбитраж и особый порядок разрешения споров на базе Международного финансового центра «Астана» (МФЦА). Первый вариант, в свою очередь, является еще более неформальной процедурой и не требует наличия полноценного посредника в лице судьи [2, с. 40]. Если в «стандартном» выражении медиация разгружает систему правосудия, находясь в низовом положении, то в случае Казахстана данная процедура занимает усредненную позицию и потому получает больший уровень проработки.

Наличие особого субъекта отношений — МФЦА — также вносит особые коррективы в понимание рассматриваемого вопроса. Ключевой особенностью при определении статуса учреждения является его ориентированность на имплементацию «примирительных» практик Англии и Уэльса. Несмотря на внешнюю дисгармонию национального и воспринимаемого права, основная идея заключается в интеграции государства в мировые финансовые потоки, что также предположительно будет иметь положительное влияние на дальнейшее развитие пространства ЕАЭС [3]. Подобные начинания в целом объясняют стремление ассоциироваться с Сингапурской конвенцией 2018 г. Для заявленной темы исследования наиболее важно то, что на базе одного из органов учреждения — Международного арбитражного центра (МАЦ) — были разработаны Правила арбитража и медиации МАЦ (Правила, 2018 г.).

Приоритетным текстом толкования Правил, в силу их транснационального статуса, является английский язык. Непосредственной медиации посвящена ч. III Правил. Особенностью инициации процедуры является подача прошения о медиации сторонами в аппарат МАЦ. Само прошение является документом, отличным от договора о медиации в силу иного набора требований к составлению документа. Если мы говорим о законодательном подходе, то договор должен включать в себя более 13 пунктов, признающих существенными условиями для открытия медиации. Согласно подходу МАЦ, требований меньше: реквизиты сторон или их законных представителей; краткое содержание спора и оценка стоимости иска; копия или ссылка на достигнутое предварительное соглашение; реквизиты предполагаемого медиатора (из состава МАЦ).

Заключение

Подводя краткий итог сказанному выше, стоит отметить, что вопрос понимания сферы медиации в Казахстане находится на достаточно высоком уровне, особенно в сравнении с отечественным регулированием. Многоуровневый подход к структурированию института, раскрываемого не только в целевом законе, заслуживает положительных эпитетов. Между тем следует признать, что ряд положений требуют дальнейшей проработки. Помимо ряда вышеозначенных тезисов, специалисты придерживаются мнения относительно необходимости интеграции цифровых технологий в сферу медиации, тем более что такая разновидность, как медиация по телефону, пользуется успехом в реальном рассмотрении дел [4, с. 229]. Наиболее слабой стороной национальной медиации является уголовная сфера отношений, что выражается прежде всего в узкой интерпретации потенциала института, воспринимаемого ошибочно только с позиции возможности освобождения от ответственности [6, с. 45].

За последние годы серьезные изменения произошли и в статусе самих медиаторов, которыми сегодня можно считать в т. ч. действующих судей, ведущих дела в рамках гражданского или административного производства. Достаточно оригинальным ходом является создание системы легитимации общественных медиаторов путем гражданского признания. Представляется, что данная механика способна благотворно повлиять на фактор вовлеченности населения в решение публичных вопросов.

Также следует отметить, что сама тема развития института медиации далека от завершения, поскольку в настоящий момент в Республике Казахстан появляется больше смежных форм альтернативного разбирательства, которые воспринимаются позитивно в плане факта вариативности разрешения спорных ситуаций. Об отдельных из них говорят и в научном поле России, но со словами сожаления, поскольку успешные начинания зарубежной юридической практики не получают у нас должную апробацию [9, с. 60]. Помимо

прочего, в 2019 г. на базе МАЦ была представлена новая услуга «Арб-Мед», являющая собой комбинацию арбитража и медиации¹. Данный вопрос, несомненно, требует проведения дальнейшего исследовательского мониторинга, поскольку есть потенциальная вероятность создания внезаконодательной плоскости урегулирования спорных ситуаций, правомерность действия в которой будет неочевидным фактором.

С позиции региональной практики следует обратить внимание на то, что геополитическое положение Казахстана предполагает гармонизацию его национальных практик в системе регионального партнерства (к вопросу о статусе государства как одного из основателей ЕАЭС). Важной характеристикой любой развитой политической единицы является наличие национального суверенитета. В рамках темы исследования это выражается в принятии актов универсального характера. В свою очередь, закономерным шагом по развитию межгосударственного сотрудничества видится создание стандартизированных требований, способных установить планку качества в вопросах медиации. В этом плане упомянутая ранее Сингапурская конвенция 2018 г. является ценным источником. Речь не идет о необходимости повсеместной имплементации документа (это бы негативно сказалось на факторе самобытности правовых культур региона), но о рецепции определенных идей, заложенных в документе. Так, К. Хаиореас в своем научном труде отмечает, что акт позволяет освободиться от бремени открытия арбитражного процесса в тех случаях, когда достаточно обратиться к settlement agreement. Финансовая экономия также выступает привлекательным фактором [10, р. 70]. Подобная трансформация института медиации в пространстве СНГ видится перспективным шагом. Отмечая высокую значимость модельного законодательства и рекомендаций уровня СНГ для созидания правовой основы каждого государства-члена, представляется уместным инициировать разработку данных положений на базе Межпарламентской ассамблеи стран СНГ. Начальный диалог по линиям министерств юстиции заинтересованных государств позволит уточнить заинтересованность в возможном создании проекта документа.

Литература

1. *Байндыев Р. Т.* Процедура медиации в рамках восстановительного правосудия в Канаде и Республике Казахстан // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 4 (21). С. 3–9. EDN: ХНУКJR. DOI: 10.34076/2658_512X_2022_4_3
2. *Бижан Н. Р.* Особенности развития института медиации в Казахстане // Современная политика государственного управления: за и против : Материалы научно-практической конференции (с международным участием). В 2 частях. Луганск, 24–25 ноября 2022 года. Ч. I. Луганск. 2022. С. 28–42.
3. *Гончаренко М. А., Хомякова Л. И.* Международный финансовый центр «Астана» как инструмент «мягкой силы» Казахстана и ЕАЭС // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 6. С. 110–118. EDN: YYAFEI. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-110-118
4. *Дячук М. И.* Развитие института медиации в Республике Казахстан // Вестник ИЗПИ РК. 2021. № 1 (64). С. 219–232. EDN: UGNCFF. DOI: 10.52026/2788-5291_2021_64_1_219
5. *Засемкова О. Ф.* Сингапурская конвенция о приведении в исполнение мировых соглашений, достигнутых в результате посредничества (медиации): от мечты к реальности? // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 3 (148). С. 60–72. EDN: ZCJFIT. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.148.3.060-072
6. *Каленова А. А.* Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 44–46. EDN: RREEOF
7. *Калшабаева М. Ж., Сартаев С. А., Оспанова Д. А.* [и др.] Некоторые проблемы развития медиации как альтернативного способа разрешения споров в Республике Казахстан // Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая. 2022. Т. 104. № 4. С. 12–25. EDN: FRZLNT. DOI: 10.26577/JAPJ.2022.v104.i4.02
8. *Мицкая Е. В.* Применение медиации в разрешении правовых конфликтов в Казахстане // Теория государства и права. 2020. № 3–1 (19–1). С. 95–106. EDN: UKRNSK. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.026
9. *Соловьев А. А.* О некоторых процедурах разрешения споров мирным путем (опыт Французской Республики) // Вестник Арбитражного суда Московской области. 2019. № 1. С. 49–60.
10. *Hioureas C. G.* The Singapore Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation: A New Way Forward? // Ecology Law Quarterly. 2019. Т. 46. № 1. Р. 61–70.

¹ Международный арбитражный центр запустил новую услугу для инвесторов // Международный финансовый центр «Астана». 04.07.2019. URL: <https://iac.aifc.kz/ru/news/new-service-for-investors> (дата обращения: 29.06.2023).

Об авторах:

Чимаров Николай Сергеевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: kolomyagi4@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0661-1035

Чимаров Сергей Юрьевич, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор;
e-mail: serg120756@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8323-6953

References

1. Baidyyev R. T. The Mediation Procedure in the Framework of Restorative Justice in Canada and the Republic of Kazakhstan // Ural journal of Legal Research [Ural'skij zhurnal pravovyh issledovanij]. 2022. No. 4 (21). P. 3–9. (In Rus.) EDN: ХНУКJR. DOI: 10.34076/2658_512X_2022_4_3
2. Bijan N. R. Features of the development of the institute of mediation in Kazakhstan // Modern public administration policy: pros and cons : Materials of the scientific and practical conference (with international participation). In 2 parts. Lugansk, November 24–25, 2022. Part I. Lugansk. 2022. P. 28–42. (In Rus.)
3. Goncharenko M. A., Khomyakova L. I. International Financial Center “Astana” as a Tool of “Soft Power” of Kazakhstan and the EAEU // Economics, Taxes & Law [Ekonomika. Nalogi. Pravo]. 2020. V. 13. No. 6. P. 110–118. (In Rus.) EDN: YYAFEI. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-110-118
4. Dyachuk M. I. Development of the Mediation Institute in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan [Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan]. 2021. No. 1 (64). P. 219–232. (In Rus.) EDN: UGNCFP. DOI: 10.52026/2788-5291_2021_64_1_219
5. Zasemkova O. F. The Singapore Convention on Enforcement of Mediated Settlement Agreements (Mediation): from Dream to Reality? // Lex Russica (The Russian Law). 2019. No. 3 (148). P. 60–72. (In Rus.) EDN: ZCJFIT. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.148.3.060-072
6. Kalenova A. A. Mediation in the Criminal Process of the Republic of Kazakhstan // Journal of Barnaul Law Institute Russian Interior Ministry [Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii]. 2020. No. 2 (39). P. 44–46. (In Rus.) EDN: RREEOF
7. Kalshabaeva M. Zh., Sartaev S. A., Ospanova D. A. [et al.] Some Problems of the Development of Mediation as an Alternative Way to Resolve Disputes in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of Kazakh National University. Legal Series [Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta. Seriya yuridicheskaya]. 2022. V. 104. No. 4. P. 12–25. (In Rus.) EDN: FRZLNT. DOI: 10.26577/JAPJ.2022.v104.i4.02
8. Mitskaya E. V. Use of Mediation to Permit Criminal Law Conflict in Kazakhstan // Theory of State and Law [Teoriya gosudarstva i prava]. 2020. No. 3–1 (19–1). P. 95–106. (In Rus.) EDN: UKRNSK. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.026
9. Solov'ev A. A. On Some Procedures for Resolving a Dispute Peacefully (Experience of the French Republic) // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow region [Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskoj oblasti (opyt Francuzskoj respublikii)]. 2019. No. 1. P. 49–60. (In Rus.)
10. Hioureas C. G. The Singapore Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation: A New Way Forward? // Ecology Law Quarterly. 2019. V. 46. No. 1. P. 61–70.

About the authors:

Nikolai S. Chimarov, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the North-Western Institute of Management, RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor;
e-mail: kolomyagi4@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0661-1035

Sergey Yu. Chimarov, Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor;
e-mail: serg120756@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8323-6953